

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

A woman with long, wavy red hair is sitting at a wooden table by a window. She is wearing a light-colored, short-sleeved dress and is focused on writing in a notebook with a pen. To her left, there is a vase with pink flowers and a small brown teddy bear. The scene is lit with warm, golden light from the window, creating a soft and intimate atmosphere. The background shows a blurred interior with a bookshelf.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

ТРУДНАЯ ДОРОГА К ДОМУ

Девочки мои. Психологические романы Ю. Лавряшиной

Юлия Лавряшина

Большая семья

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лавряшина Ю. А.

Большая семья / Ю. А. Лавряшина — «Эксмо»,
2026 — (Девочки мои. Психологические романы Ю. Лавряшиной)

ISBN 978-5-04-248222-9

Тяжелая рутина давно стала для Риммы привычной: она живет над автомастерской, среди скрежета железа, запаха масла и горьких воспоминаний. А по соседству – бывший муж, как тень пережитого несчастья... Но одна спасенная собака приводит к порогу Риммы людей, которые почему-то кажутся родными... Или не кажутся? Тогда почему идти одной дорогой так трудно? Юлия Лавряшина — автор более 50 книг прозы для взрослых и детей, ряда пьес, киносценариев. Член Союза писателей России, лауреат Международной детской литературной премии им. В. П. Крапивина. Вместе с сыном, молодым композитором Евгением Лавряшиным, пишет песни и мюзиклы. Отличительными чертами ее прозы являются напряженный сюжет и психологическая глубина.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248222-9

© Лавряшина Ю. А., 2026
© Эксмо, 2026

Юлия Лавряшина

Большая семья

© Лавряшина Ю., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

ДОРОГИЕ МОИ ЧИТАТЕЛИ!

Для меня слова «большая семья» – не абстрактный образ. У нас с мужем трое уже взрослых детей, благодаря которым семья все увеличивается! И это счастье, ведь чем больше любви тебя окружает, тем легче жить.

Но, к сожалению, так бывает не всегда. И большая семья – не гарантия постоянного пребывания в радости... Хотя кому этого не хочется? Герои этой книги идут к жизни в любви и согласии тернистым путем, ведь они сложные люди, в их душах много противоречивых чувств, у них разные устремления и отношение к миру. Поэтому зачастую они не могут найти общего языка, а порой и не хотят.

Как правило, все еще и осложняется недопониманием и искажением действительности третьими лицами. Каждый претендует на звание единственного носителя правды как таковой и не допускает мысли, что видит мир искаженным. А уж когда дело касается любви мужчины и женщины, без сложностей вообще не обходится...

Вот что переживают люди, живущие со мной по соседству. По крайней мере, на страницах новой книги. Кстати, история эта действительно новая – я дописала роман «Большая семья» только в декабре 2025 года.

И вот книга уже у вас в руках, любимые читатели! Я очень ценю каждого из вас, ведь мои книги читают только умные люди, к тому же наделенные даром сострадания. А мои герои его заслуживают...

*Юлия Лавряшина,
писатель*

* * *

Если бы чернильного цвета русалка не расправила над тем домом раздвоенный плавник, Римма, скорее всего, проехала бы мимо, крутя педали не через силу, как бывало в конце прогулок, а с наслаждением. Темные космы облачного призрака падали на лицо, его абрис не просматривался, а вот запрокинутые за голову руки и текучий хвост были видны отчетливо. Остановив велосипед, Римма сошла на обочину асфальтовой дорожки возле недостроенного двухэтажного особняка из серых блоков.

– Какая ты...

Русалка плыла медленно, точно влекомая сном, с ее волос стекали тени дождя, уже пролившегося в соседнем Королеве, а до них пока не добравшегося. В их поселке утренняя тишина еще подсвечивалась рассеянным солнцем, которому лень было пробиваться сквозь серебристую пелену облаков, выбранных речной девой в качестве перины. Было спокойно и мирно вокруг, поэтому донесшийся со стороны дома короткий собачий вой – точнее, даже полный отчаяния вскрик – и прозвучал таким диссонансом.

Вздвигнув, Римма вытянула шею, словно попыталась стать антенной и уловить продолжение звука, уже оборвавшегося. Он был безнадежным, но коротким, как всхлип ребенка, уставшего плакать навзрыд. Почудилось – или голос и вправду донесся из дома, пустые глаза которого мрачно чернели, уставившись прямо на нее?

– Русалкина собачка потерялась? – пробормотала Римма, глядя на серый фасад с выступающим эркером и окнами-арками.

От дома ее отделяла вызывающе желтевшая лужайка амброзии. Это растение грозило приступом аллергии, поэтому обычно она обходила густые заросли стороной, хотя любила желтый цвет. А еще больше оранжевый...

«Это потому, Римка, что ты сама рыжая! Вот и отыскиваешь подобное», – говорил муж, уверявший, что любит цвет ее волос и веснушки.

Когда-то младшая сестра подарила ей крем, отбеливавший кожу, который ничуть не помог. А Вику раздражали мелкие пятна, рассыпанные по телу Риммы. Один раз она даже бросила: «Бесят!» Тогда Римка не обратила на это внимания. Ей было семнадцать, и она не стес-

нялась носить короткие летние платья и шорты. Сейчас, почти тридцать лет спустя, разве что паранджу не надевала, но каждый кусочек кожи был прикрыт. Просторные штаны, рубашки с длинными рукавами... Бесят же ее веснушки!

Цвет амброзии тоже был не совсем по душе даже ей, казался ядовитым. Но иначе как сквозь высокие заросли к пустому дому было не подобраться: от дороги к дверному проему в стене вела только узенькая, неуверенно протоптанная тропинка, которой явно давно никто не пользовался. Может, та собака и проложила ее, чуть примяв траву? Стекла с неба эта хвостатая прозрачными струями, а от земли набралась силы, чтобы обрасти плотью. Себе на горе, судя по всему. Еще несколько лет назад Римма сочинила бы сказку про эту небесную собаку... Но не сейчас.

Дом выглядел заброшенным, достраивать его, видимо, не собирались – по крайней мере, не в этом году: лето уже кончалось, август клонился к закату. Римма прислушалась: внутри явно никого не было, кроме той несчастной псины, что подала голос, хотя пытаться докричаться до хозяев не имело смысла.

Прислонив велосипед к старой березе, по растрескавшейся коре которой тут же испуганно разбежались мелкие черные муравьи, Римма привычным жестом собрала волосы в хвост, как делала, готовясь к чему-то важному, и решительно произнесла:

– Ну ладно...

Набрав в грудь побольше воздуха, она быстро пронеслась по тропинке среди опасных стеблей. Заскочила в дом, дохнувший нежилым... Хотя он и был распахнут всем ветрам, воздух внутри показался ей затхлым, тяжелым. Наверняка сюда забредали бомжи... Может, эта собака тоскует по кому-то из них?

– Где ты? – окликнула Римма, но никто не отозвался.

«А если мне вообще померещился этот вой? Может, это был скрип машины? У нас тут встречаются старые... Хотя вряд ли я могла спутать. Уж я-то!»

Под ногами похрустывало, хотя она старалась ступать бесшумно, и мягкие летние тапочки помогали в этом. Но пол в доме был засыпан всякой трухой, мелким щебнем, непонятно откуда здесь взявшимся, и шаги ее все равно были слышны. Если кто-нибудь прятался в одной из комнат, наверняка он уже уловил ее присутствие.

Внезапно ее пронзило жуткой догадкой: а если тот бомж пытается убить собаку?! Вот она и взвизгнула... Возможно, в последний миг. Или успеет спасти?

Сжав кулаки, которым было не занимать силы (еще и поэтому взялась за мужскую работу!), Римма быстро прошла по первому этажу, потом по бетонным ступеням без перил взбежала на второй, постояла наверху, чтобы перевести дух.

«И это в сорок шесть, – упрекнула она себя. – Сегодня это, считай, молодость, по всем меркам! Что же со мной в семьдесят будет? Ходила бы в спортзал и не заметила бы этого подъема».

Но велосипед с юности оставался единственным спортивным снарядом, которому Римма была верна, потому что всегда любила скорость. А еще в каждую прогулку хотелось увидеть как можно больше, совершить новые открытия, хотя окрестности уже были изъезжены вдоль и поперек. Вот только к реке Римма никогда не ездила...

К счастью, в природе все время что-то менялось, начиная с времен года, набрасывавших на знакомую реальность прозрачный платок своего неповторимого цвета... Сносили старенькие домики с мезонинами, отчего у Риммы щемило сердце, стремительно вырастали новые. Правда, какие-то так и не достраивались, как этот, звавший на помощь глубокими оконными проемами.

Римма остановилась у одного из них, проверила свой велосипед, притулившийся у березы. Стоит, голубчик! Впрочем, если кому-то вздумается его угнать, она уже не сможет помешать этому – не догонит...

Наверху собаки тоже не оказалось, оставалось проверить подвал, о чем даже думать было неприятно. Не то чтобы страшно... Хотя...

– Вперед! – скомандовала Римма и сбегала вниз по лестнице.

Не позволив себе остановиться у входа в подвал, она на ходу достала телефон и включила фонарик. Его луч тут же вытянул из тьмы тоненький звук – жалобный скулеж, и ее сердце подпрыгнуло: «Нашла!» У стены что-то шевельнулось, и Римма бесстрашно шагнула в темноту, с которой фонарик справлялся так себе... Но то, что там действительно собака, не слишком крупная, к счастью, рассмотреть все же удалось. Никакой агрессии от нее не исходило, она тихо плакала, скорчившись в самой немыслимой позе, и даже не пыталась приветствовать человека. Видно, не ждала ничего хорошего...

– Бедная ты моя, – произнесла Римма так же негромко.

Она осторожно, чтобы не напугать, присела рядом, медленно протянула руку, коснулась теплой головы, почесала за ухом. Притихнув, собака прислушалась к ощущениям. Она не противилась ласке, но и не радовалась, не силилась лизнуть руку – похоже, уже перестала доверять первым впечатлениям. Может, тот, кто привязал ее здесь и бросил, тоже погладил сначала...

Отгнав невольную мысль о муже, Римма заговорила вслух, чтобы собаку успокоил звук ее голоса:

– Сейчас мы тебя освободим... Давно тут сидишь? Ах ты, бедолага...

Она продолжала осыпать несчастную ничего не значащими словами, а сама пыталась справиться с узлом, которым та была привязана к старой чугунной батарее, непонятно зачем появившейся в подвале строящегося дома. Не ради того же ее притащили, чтобы удержать здесь пленницу? Пальцы у Риммы были крепкими, но веревка не поддавалась, ее закрепили намертво... Вот когда она впервые за последние месяцы подумала о Сергее с благодарностью: это он приучил ее всегда брать на прогулки складной перочинный ножик. Много места не займет, но может пригодиться. Мало ли... Времена не самые спокойные.

Поглаживая спутанную шерсть левой рукой, Римма выудила ножик, и, оторвавшись от собаки, спокойно извлекла лезвие. Потом снова прижала ладонь к гладкому лбу и начала осторожно пилить не толстую, к счастью, веревку возле батареи. Оставшейся длины должно было хватить, чтобы использовать ее как поводок. Хотя псинка, похоже, и не думала убегать. Приникла к ее ноге и затихла, как показалось Римме, уже не испуганно, а блаженно. Когда ее нежили в последний раз? Или сейчас вообще был первый?

Наконец нож провалился в пустоту... Стараясь не дергаться, Римма сложила и спрятала его, намотала веревку на руку и ласково позвала:

– Пойдем? Наверху у меня есть водичка, попьешь.

Вряд ли собака поняла, чем ее заманивают, но рядом пошла без сопротивления. Не рванулась вперед, не потянула за собой, а пристроилась – шаг в шаг! Душа в душу... Точно они не просто были давно знакомы, но гуляли вместе уже сотни раз. И только в зарослях амброзии собака выскочила вперед, потащила Римму, словно знала, как опасны для нее эти яркие сорняки.

– Ах ты, умница...

Только когда выбрались с чужого участка на проселочную дорогу, удалось разглядеть, что она вызволила из подвала черно-белого русского спаниеля, причем мальчишку. Как ей показалось, достаточно молодого... Хотя что она понимает в собаках?

Последняя – дворняжка Лялька – жила у нее, когда Римма сама была еще ребенком, училась в каких-то средних классах, а сестра только пошла в первый. Ляльку ей тоже пришлось спасать: малышку сбила машина, и девчонки, игравшие в классики прямо на проезжей части переулка, вытекающего на шоссе, первыми бросились на помощь. У Риммы была с собой кофта, в которую и завернули Ляльку, чтобы отнести в ветеринарку. С собакой на руках, меня-

ясь на ходу, бежали до клиники – водитель, конечно же, скрылся еще до того, как подружки выскочили из переулка.

Ветеринар заверил их, что у Ляльки (свое имя собачка получила уже по дороге!) только сломана лапа, зафиксировал кость и выпроводил девчонок из клиники. Римка, в те годы собиравшаяся стать врачом, твердо заявила, что забирает Ляльку и будет лечить. Их мама тогда уже почти не вставала с постели, от сестренки Вики помощи было немного, а отец пропадал на работе, так что Римма была в доме за главную. Потому до сих пор и корила себя: выходить не удалось ни маму, ни Ляльку... Похоже, ветеринар утаил истинный характер травм, сообразив, что собака скоро умрет. Решил не огорчать девчонок...

Тот год, когда Римке исполнилось тринадцать лет, остался в ее памяти черным провалом в такое отчаяние, какое она испытала много лет спустя, потеряв сына. В тот год она ослепла и оглохла... Нет, на самом деле не утратила ни зрения, ни слуха, но вот мужа видеть перестала и не слышала, что Сергей говорил ей. Какое-то время он еще продержался рядом... Но кто осудит его желание заскочить в последний вагон – стать отцом на шестом десятке лет, раз нашлась молодая и плодовитая? Готовая осчастливить.

Римма отпустила его. По крайней мере, так казалось со стороны, а душу она никому даже приоткрывать не собиралась... Неприглядно там, сплошные лохмотья.

* * *

Не выпуская веревки, она достала из велосипедной корзинки бутылку и налила в пригоршню воды.

– Пей, малыш. Может, так тебя и называть? Малыш. Как тебе?

Теплый язык уже вылизал ей ладонь, и Римма наполнила ее снова. Ей нравилось, как Малыш пил: с явным желанием, но без остервенелой жадности, которая часто охватывает измученных жаждой. Или не так долго он и просидел в подвале? Но как оказался внизу и что его ожидало? Эти вопросы можно было задавать бесконечно, только ответов на них не находилось.

Вытерев ладонь лопухом, усеянным мелкими дырочками, Римма потрепала Малыша.

– Пойдем домой? Попробуем найти твоего хозяина. Ты же не дворняга, мой милый, у тебя должен быть свой человек...

Против мытья в желтом пластиковом тазу Малыш не возражал. Римма вынесла его к крыльцу, где спаниель согласился ее подождать, сходила за шампунем (пока человеческим, конечно!) и полотенцем. Пес спокойно сидел возле оставленных вещей, будто со знанием дела стерег их, хотя порода склоняла его не к охранной службе, а к охоте. Этого Римма предложить ему не могла, разве что тихую – по грибы... Они уже появились в окрестных подмосковных лесах, можно было выбраться как-нибудь.

– Если тебя не заберут у меня, – пробормотала она, избегая печального, как у всех спаниелей, взгляда. – Может, ты потерялся? Хозяева там с ума сходят, ищут... Придется вернуть тебя.

То, что она допускает саму мысль об этом, уже казалось Римме предательством. Но трудно было не думать о том, как плачет сейчас мальчишка, упустивший своего песика на прогулке, или такая же девочка, какой была она во времена Ляльки. Следовало разыскать их и вернуть собаку...

– Но сначала тебя нужно привести в божеский вид, – приговаривала Римма, намыливая длинную шерсть. – А то от тебя, уж прости, пахивало... Этот проклятый бомж усадил тебя на то место, где сам дрых? Неужели он задумал тебя съесть? Каких ублюдков земля носит...

Ей почудилось, что Малыш вздохнул: в его собачьей голове тоже никак не укладывалось, как можно опуститься до такого. Ополоснув его чистой водой и хорошенько растерев хоть и старым, местами истончившимся до нитей, но вполне чистым, некогда баннным полотенцем,

Римма подхватила песика и перенесла его в коридор, ведущий мимо автомастерской к лестнице на жилой этаж, чтобы снова не испачкался. Пока она выливали воду, пристраивала посушиться полотенце, Малыш смиренно ждал у порога – его тактичность поразила новую хозяйку до глубины души.

Вернувшись, она похлопала по бедру.

– Пойдем, Малыш. У меня найдется для тебя мягкое одеялко...

Не детское. Одеяло, которым Римма укрывала маленького сына, и его подушечка хранились в комодике до сих пор, но собаке она выделила старое одеяло мужа. Не то чтобы мысленно приравняла Сергея к кобелю, но почему-то ей показалось это позволительным. Свернув вдвое, она разрешила верблюжье одеяло по стигу, одну половину унесла наверх, в жилую часть, вторую оставила в небольшой мастерской, где лечила автомобили – так Римма думала о своей работе. Она обустроила ее под себя, Сергей ремонтом машин никогда не занимался. Даже свою «японку» до знакомства с Риммой отвозил в сервис, сам ничего в этих механизмах не понимал. Да и ей не доверял в первое время: «Ты же девушка! Что ты в этом понимаешь?!»

Убедил Сергея Шаркова ее отец, от которого Римка еще в детстве нахваталась навыков и знаний: в их сибирском поселке автосервиса не было, Владимиру Николаевичу приходилось самому чинить «Ладу», на которой он и разбился. Но не его машина стала смертоносной – водитель встречной фуры уснул за рулем... Это произошло лет десять спустя, а когда отец начал учить Римку, она еще возилась с велосипедом «Школьник» и забрасывала Владимира Николаевича вопросами, на которые тот отвечал довольно подробно, он вообще всегда был словоохотливым. Во время прогулок пересказывал ей любимые книги, при этом хитрил – раскрывал дочке только начало истории, а остальное, если зацепит, она должна была прочитать сама. Цепляло всегда, ведь рассказчиком он был непревзойденным. Римка слушала отца, открыв рот.

Сергея же за его неверие в способности жены тесть буквально пригвоздил к стене, спросив в лоб:

– Что ж ты за сексист такой? Думаешь, женщины чем-то хуже нас с тобой? Серьезно?

Больше всего ее мужа сразило, что провинциал свободно апеллировал такими понятиями, как «сексизм», «шовинизм» и даже «мачизм», тогда еще только входившими в разговорную речь. И это тоже было явным проявлением шовинизма, только уже столичного... Римма излечивала мужа годами. Поняв, что Владимир Николаевич прочел за жизнь книг больше, чем он сам видел, Сергей проникся к тестю таким уважением, что беспрекословно доверил Римме починить свою «Тойоту». А убедившись, как грамотно и тщательно (даже гайки не пришлось подкручивать!) жена сделала ремонт, после которого машина стала бегать лучше, чем новая, Сергей сам привел ей первого клиента – своего старого друга. Тот не посмел противиться, чему позднее был несказанно рад!

И все же, когда Римма завела разговор о том, что хочет открыть полноценную автомастерскую на дому, для чего им придется перебраться за город, муж в восторг не пришел. Одно дело, когда женщина чудит, выбрав странноватое хобби, другое – если собирается превратить его в дело жизни. Удивился: «Тебе денег не хватает?»

Она лишь усмехнулась в ответ, он же и сам прекрасно понимал, что не в деньгах дело, за ними Римма никогда не гналась. Это нравилось ему не меньше, чем медные волосы и веснушки, рассыпанные по телу. Он так любил собирать их губами... После смерти сына это желание тоже умерло в нем.

Сергею хотелось наследника. Хотя что наследовать, если он был айтишником? Его империя была виртуальной, зато доходы стали вполне реальными и позволили Шаркову построить двухэтажный особняк с высокой мансардой, заменявшей третий этаж, запрещенный в Подмоскowie. А для Риммы в другом конце участка возвели строение, на первом этаже которого разме-

стилась автомастерская, где стояла и ее старенькая «БМВ», подаренная мужем давным-давно. А над ней были помещения «свободного назначения». Там Римма и жила сейчас...

Конечно, она еще могла родить, как уговаривал муж... Но для нее Васька остался единственным сыном. Ее ломало от боли, когда Сергей только заговаривал о другом ребенке, который якобы мог вернуть их обоих к жизни. Римма рукой закрывала ему рот, мотала головой, чтобы не слышать, как муж склоняет ее к предательству.

А та девочка Николь, с французским именем и вроде бы даже корнями, уже родила Шаркову... Как по заказу – сына! Сергей сам сообщил об этом, из роддома прибежав на ее половину участка, который разделил забором, когда развелись. Получились как бы два отдельных, и Римма стала официальной хозяйкой маленького, в пять соток. Они подписали у нотариуса договор, уладивший их «имущественные отношения». Уладить человеческие было не под силу даже юристу. Хотя внутреннюю калитку Шарков велел сделать, чтобы оставался ход к бывшей жене, которой он до сих пор изливал душу. Иначе не мог...

До сих пор ей виделось его сияющее лицо, когда Сергей ворвался в мастерскую и срывающимся от радости голосом сообщил, что у них с Николь родился сын. Как Римме удалось не врезать ему гаечным ключом, который она так стиснула, что потом болели пальцы? Крик рвался горлом:

– А нашего сына ты уже не вспоминаешь?! Стер Ваську из памяти?

Зачем явился в тот день? Неужели всерьез подумал, что она разделит его радость? Римма превозмогла желание испепелить его яростью: и поздравила, и поинтересовалась, как назвали малыша, даже вес уточнила. Все, что положено в таких случаях... Как она заскулила, оставшись одна, Сергей уже не услышал.

«Может, я перестаралась? – спрашивала она себя, прислушиваясь к мирному сопению Малыша – новому звуку в доме. – Не только в тот день, но вообще... От меня пахнет машинным маслом?»

С чего она взяла, будто Сергей нуждался в боевой подруге, способной поддержать в трудную минуту, и старалась быть такой? Плохо они знали друг друга, решившись пожениться, вот в чем дело... Римма увидела в этом браке спасение от тоски, бросилась, не раздумывая. Впрочем, не жалела об этом, считая их семейную жизнь счастливой. Римма всегда подставляла мужу плечо, понимая, как неровно все в любом бизнесе. Бывали времена, когда жили только на то, что она зарабатывала ремонтом, пока Сергей искал новые пути. Но оказалось, все это не имело никакого значения – их связывал только сын. Не стало Васьки, и все рухнуло.

Теперь Сергей, припевая от радости, выстраивал новую судьбу, отгородившись от прежней забором. Римма ни разу не зашла на их территорию после развода, хотя Шарков прибегал, как только случались затруднения. Не столько в работе – тут все было стабильно в последние годы, – сколько в отношениях с юной женой – другое поколение, попробуй их пойми! Но Сергей готов был помучиться: двадцатилетняя Николь больше подходила ему по статусу, чем Римма, у которой полтинник не за горами и руки как у слесаря дяди Васи... Да и вообще ничего уже не осталось от того рыжего солнышка, в лучах которого он когда-то грелся и млел. Правда, Сергей ни разу не сказал ей это в лицо, Римма проговаривала за него, но разве мог он думать иначе?

Не сомневалась она и в другом: если настанет черный час, бывший муж первым наберет ее номер, раз по всяким пустякам звонит почти каждый день. Протянет она руку помощи? А куда денется? Он же Васькин папа...

Пора было облачаться в рабочий комбинезон, через четверть часа приедет клиентка по записи. Очередь из вереницы машин перед ее домом не выстраивалась – места не было. Да и ремонтировались у нее по большей части автоледи, но на жизнь хватало. Некоторые из ее клиенток пытались заодно научиться у Риммы элементарным методам ремонта, на случай если

машина заартачится где-нибудь на трассе, и она не скупилась на объяснения, хотя это было невыгодно ей как мастеру. Но Римма однажды решила для себя, что немного найдется женщин, готовых полноценно заниматься ремонтом, а расположить к себе в данном случае куда важнее.

И это окупилось: практически все клиентки возвращались, обретая в молчаливой Римме не только мастера, но и психотерапевта, который внимательно выслушает и посочувствует. Только при этом не бездействует в кресле с карандашиком в руке, а возвращает к жизни автомобиль. И все это за одну плату!

Ей и вправду нравилось слушать женские истории, чаще банальные, порой замысловатые. Тайком ото всех Римма записывала их вкратце, теша себя мыслью, что когда-нибудь в старости, когда уже не под силу станет крутить гайки, ей удастся написать сборник рассказов о чужих судьбах. Может, даже издать его! К сказкам она уже никогда не вернется – ведь сочиняла их для Васьки, – но желание ускользнуть в другую реальность, пусть и придуманную, все еще было живо в ней. Тем более в своей ничего не происходило...

Но до того, чтобы взяться за перо, было пока далеко, поэтому стоило сделать и сохранить заметки, ведь на ветшавшую с годами память надеяться рискованно.

«Неужели можно забыть что угодно? – размышляла Римма, раскладывая инструменты. – Было бы куда легче жить, если б я могла очистить память... Но что тогда осталось бы от меня?»

Малыш дремал в углу мастерской. Она подумала, что песику будет спокойнее, если он увидит ее, едва приоткрыв глаза, а в доме он может запаниковать, решив, будто опять оказался в плену. К лязгу и прочим механическим звукам спаниель привык быстро и перестал вздрагивать уже через полчаса. Восторженные возгласы тоже не будили его, вымотанного одиночеством и страхом: «Ой, кто это тут?», «Милота какая...», «Вы купили собачку?».

Римма отвечала коротко, во время работы она привыкла быть слушателем. Да и вообще не унаследовала от отца его словоохотливости... Впрочем, ее собеседницам этого хватало, они тут же принимались вспоминать своих собак. Сегодня она пропускала их монологи мимо ушей, пытаясь понять, стоит ли давать объявление о найденном спаниеле в чат поселка. А вдруг вовсе не бомж, а бывший хозяин привязал Малыша в заброшенном доме, надеясь отделаться от него? Каких только ублюдков не носит земля... Убить сил не хватило, а обречь на голодную смерть оказалось проще.

Вполне возможно, рассуждала Римма, меняя подшипники ступиц, этот нелюдь живет по соседству и тоже состоит в чате, так что если он прочтает ее объявление, то может, так или иначе, добраться до Малыша. Тогда ведь он точно будет знать, в каком доме его искать... А если просто не обнаружит спаниеля там, где оставил его, наверняка подумает, что пес сам перегрыз веревку и сбежал. Почему, кстати, Малыш этого не сделал?

К обеду она пришла к выводу, что будет сама почаще заглядывать в чат, и, если кто-то опубликует объявление о пропаже собачки, тогда и придется решать, как поступить.

* * *

Разбудивший ее звонок высветил незнакомый номер, первым делом отозвавшись мыслью о мошенниках. Самым разумным было не отвечать, но Римме часто звонили незнакомые люди, которым кто-то из клиенток посоветовал ее мастерскую. Как не ответить?

На ее невнятный хрип – голосовые связки еще не проснулись – раздалось неуверенное:

– Тетя Римма?

– Кто это? – насторожилась она.

Уж так ее точно никто из клиентов не называл... Еще не хватало!

– Это Алена.

– Алена? Какая Алена?

– Ваша племянница. Дочь Вики. Виктории – вашей сестры. Алло? Тетя Римма, вы меня слышите?

Приподнявшись, Римма села на постели, собираясь с мыслями. Точно... Вика назвала свою дочку Аленой в память об их маме – Елене... Соседки тогда шептались, что это зря: карму безвременно умершей передала младенцу.

– Слышу, – отозвалась она. – Алена? Господи... Я ж тебя не видела никогда. Это правда ты? Как...

– Мама умерла.

Горло ссохлось, ни звука не просочилось наружу. Кажется, Алена догадалась, что происходит с ней сейчас, и заговорила сама:

– Тот же диагноз, что был у бабушки.

Мысли заметались: «У какой бабушки? А, она про нашу маму... О нет! Значит, намучилась... Вика и походила на маму... Это я вся в папу. Господи, нашла, о чем думать!»

Римма откашлялась, прочистив горло. Малыш уже проснулся, притопал к ее кровати, цокая когтями, и уселся рядом, радостно дыша – длинный розовый язык вывалился наружу. Машинально свесив руку, Римма стала перебирать пальцами короткую шерсть теплого лба, спаниель замер, впитывая ласку.

– Когда... похороны? Я приеду.

«Куда же деть Малыша?»

– Не надо, – донеслось издалека. – Я уже кремировала маму. И продала нашу квартиру, все равно не смогу там жить без нее.

Римма оцепенела: «А девчонка-то не слабая... Все сама. Совсем как я». Ей стало стыдно от этой мысли, точно она уже пыталась отобрать Алену у сестры. А уж этого ей точно не хотелось...

Цепочкой вопросов Алена вытянула ее из омертвения:

– Тетя Римма, а можно привезти прах к вам? У вас же свой участок? Выделите уголок? Не могу оставить маму на кладбище... Совсем одну. Некому будет даже навещать ее, я же в Москве учусь.

Римму подбросило:

– Что?!

«И ни разу не дала о себе знать! Да что ж мы за семья такая?! Дрянная семья...»

– Конечно, – выдавила она, забыв про Малыша, который жалобно вздохнул, но Римма не расслышала. – Пусть Вика будет со мной. Как в детстве.

«Пора простить ее...»

И вдруг очнулась:

– погоди, когда ты прилетаешь? Ты же с вещами? Не только с... Я встречу тебя на машине.

– Супер! – обрадовалась Алена. – Самолет у меня вечером, в Домодедово буду завтра утром. Как снег на голову, да? Простите... Никак не могла решиться.

«А давно надо было», – возразила Римма про себя.

– Сейчас я сброшу номер рейса.

– Только умоляю, не зови меня тетей! Терпеть не могу. Просто Римма. И на «ты». Договорились?

– Супер! Мою фамилию вы... ты знаешь? Малютина. Напиши ее на картонке, пожалуйста, а то мы не узнаем друг друга.

Можно было обменяться фотографиями сейчас, но Римме почему-то не пришло это в голову. Она подумала о другом:

– Ты не похожа на маму?

– Нет. Нисколько.

«Значит, не унаследовала Викины гены! – обрадовалась Римма. – Надеюсь, болячки нашего рода остались в прошлом...»

И только потом сообразила, что скрывается за просьбой племянницы: Вика никогда не показывала дочери семейные фотографии. По крайней мере те, где была Римма.

– Так и не простила меня, – поделилась она с Малышом, положив телефон. – А я ее. И теперь уже никогда, понимаешь? Никогда. Вот что имеет значение! А не наши idiotские ссоры... Столько лет прошло, могли бы и помириться.

Ее отвлекло сообщение – Алена прислала номер рейса и время прибытия. Подумав, Римма написала в ответ: «Погостишь у меня? Я живу одна. С собакой». Согласие прилетело почти мгновенно: «С радостью! Собака – это круто!»

Усмехнувшись, Римма потрепала Малыша по голове.

– Ты крутой, слышишь? Пойдем выпущу тебя, а то наделаешь мне тут крутую кучку...

Накинув халат, она вышла вместе с ним на крыльцо, засмотрелась на подрагивающие на ветру тоненькие верхушки высоких туй за забором. В детстве Римма не знала этих деревьев, в Сибири они не росли, и, когда Сергей привез ее в столицу, удивилась тому, что здесь полно кипарисов, как в Крыму, куда они летали каждое лето, пока мама не заболела. Кто-то объяснил различия между этими деревьями, но для Риммы они так и остались приметам счастливого детства. Только они и остались...

Малыш уже сосредоточенно изучал кусты смородины и малины, и Римма сделала зарубку в памяти: с нижних веток ягоды больше не есть! Правда, сейчас их почти и не осталось, она уже наготовила на зиму, хотя сама варенье не особо любила, раздавала баночки своим клиенткам, чтобы вспоминали добрым словом и возвращались снова, обеспечивая ей безбедную жизнь.

«Может, Алена любит варенье? Дам ей побольше, в общаге принято делиться. Или она снимает? Квартиру продала... На эти деньги даже в ближайшем Подмосковье, конечно, не купишь, но в ипотеку ввязаться можно, на первый взнос с лихвой хватит. Она же не собирается возвращаться... А где они вообще жили? Я даже не спрашивала у папы...»

Оставив дверь приоткрытой, чтобы Малыш смог вернуться, нагулявшись, Римма поднялась в крошечную кухню. Без чашки кофе ей никогда не удавалось проснуться до конца. В голове было гулко и мутно, хотя плакать не тянуло, даже когда она проговаривала про себя: «Вика умерла. Моя сестренка умерла».

– Да что я за чудовище такое?! – прошипела Римма сквозь зубы. – Мне совсем никого не жалко?

Живым опровержением в дом ворвался Малыш, процокал по лестнице, бросился к ней, ткнулся в колени. Ей показалось, или он вправду всхлипнул: «Ты здесь... Ты не бросила меня»? Присев, Римма прижала упругое тельце пса, прошептала, приподняв висячее ушко.

– Я не брошу тебя, Малыш. Ни за что...

Уже неделю она не заглядывала в поселковый чат, опасаясь обнаружить, что его кто-то ищет. Разве теперь ей удастся разлучиться с ним? Оторвать Малыша от себя? Самой оторваться от него?! Уже стало физически необходимо то и дело касаться рукой его гладкого лба, ловить собачий взгляд, остававшийся печальным, даже если Малыш носился за мячиком, прижиматься щекой к его теплой спинке... Только с ним она могла разговаривать час напролет, хотя с людьми выбирала роль слушателя. Римма догадывалась, что все хозяева считают своих собак особенными, но в душе была уверена: Малыш уникален! Ему первому она рассказала, что случилось с Васькой...

Вылазки за пределы участка они совершали только поздно вечером, когда было уже темно, чтобы никому не попасться на глаза. «Не отдам!» – Римма озиралась в панике, только заслышав чьи-то шаги. Малыш разбавил ее холодное одиночество своим жаром, ведь температура у собак выше человеческой, и был счастлив согреть ее. Разве она не заметила бы, если

б он тосковал по кому-то? А глаза у спаниелей всегда кажутся грустными, это не значит, что он несчастлив...

Ей хотелось думать именно так.

* * *

– Простите! – донеслось из темноты. – Вы не скажете, какое сегодня число?

В свете уличного фонаря ей улыбнулась невысокая старушка, державшая в руках блокнот и карандаш. Помахивая хвостом, Малыш тут же направился к ней, хотя помочь вряд ли мог. Римма сама с трудом припомнила:

– Двадцать седьмое августа. – И на всякий случай уточнила: – Две тысячи двадцать пятого года.

Старательно записав, старушка снова улыбнулась.

– А день недели не знаете?

– Знаю. Среда.

Малыш кружил рядом, и Римме то и дело приходилось поворачиваться и перемещаться, чтобы он не опутал их поводком. Это могло показаться неуважением, но ее собеседница не обращала на это внимания. Она произнесла с чувством:

– Как я вам благодарна! Все время теряюсь во времени... Живу в прошлом, а настоящее каждый день ускользает. Милая моя, а вы не за хлебом ходили?

Римма покачала головой.

– Мы просто гуляем. Вы адрес свой помните? Может, вас проводить?

– Адрес помню! А магазин еще открыт, не знаете? – Она убрала блокнот с карандашом в карман плаща.

Высветив время на телефоне, Римма произнесла с сомнением:

– Вряд ли. Уже одиннадцатый час! Кажется, наш поселковый закрывается раньше. Вас проводить до дома?

– До дома? А как же хлеб? Вы купили?

– Нет, не купила. У меня хлебопечка, я сама пеку.

Старушка всплеснула руками.

– Да что вы говорите! Свой хлеб... Это же просто мечта!

Хлебопечку Римма купила уже на другой день после переселения в комнату над гаражом. Это произошло как-то само собой, никакой демонстрации она в эту покупку не закладывала, но вышло так, точно объявила самой себе: начинается новая жизнь! Пусть в ней больше нет мужчины, но дом у нее все равно будет, и в нем поселится теплый запах свежего хлеба, от которого начинает волноваться сердце и хочется улыбаться. С таким ароматом каждое утро, даже самое серое, не кажется безнадежным, ведь пока человек печет хлеб, жизнь продолжается...

Дернув ее за рукав, старушка просительно заглянула в глаза.

– А у вас не осталось кусочка? Просто попробовать?

– С собой нет, – призналась Римма с сожалением. – Но мы тут рядом живем. Хотите прогуляемся до нашего дома? Полбуханки точно еще есть!

– В самом деле? – Ее сухонькая ручка шмыгнула в другой карман, зашуршала купюрами. – Он, наверное, дороже магазинного?

– О чем вы? Я не возьму с вас денег!

– Да что вы?! Милая моя, вы просто ангел.

Римма мягко взяла ее под руку.

– Пойдемте, здесь недалеко.

Словно оценив ситуацию, Малыш перестал тянуть и спокойно пошел рядом. Удивительно, но старушка шагала довольно быстро, Римме даже не пришлось подстраиваться, только

упорно смотрела под ноги. Боялась оступиться? Или уже все видела в этом мире и не особо интересовалась окружающим?

– Как вас зовут? Меня Римма.

– Светлана Ивановна, – машинально отозвалась та.

И вдруг остановилась, замерла, глядя снизу исподлобья – улыбки как не бывало.

– Кто вы? Куда вы меня тащите?

– Я – Римма. Мы с вами идем за хлебом.

Морщинистое узкое личико расцвело.

– Ах, за хлебом! Ну конечно, что это я...

– Вот мой дом, – указала Римма. – Зайдем? Я упакую хлеб.

Но Светлана Ивановна засомневалась, разглядывая кованую калитку.

– Это не магазин.

– Нет. Это мой дом. Я сама пеку хлеб, помните? Вам захотелось попробовать.

– Да что вы?! Свой хлеб? Это же просто мечта!

«Не дай бог дожить до такого», – вздохнула Римма, усаживая старушку на садовую скамейку у входа. Малыша она привязала к металлической перекладине, хотя калитка была закрыта, он не выскочил бы на улицу.

– Отдохните пока, я сейчас, – пообещала Римма и бросилась к дому.

Не разуваясь (стояла сухая погода), она взбежала в кухню, достала из деревянной хлебницы половину булки, упакованной в мешочек, положила его в небольшой пакет – как у всех детей советского времени, у нее имелся запас.

«Только бы никуда не ушла». Римма скатилась с лестницы, выбежала на крыльцо и с облегчением перевела дух: старушка по-прежнему сидела на скамейке и беседовала с Малышом, положившим черно-белую голову ей на колени. Восковая в темноте рука скользила по его шерсти, а губы улыбались. Кажется, им обоим было хорошо сейчас... Римма с опаской подумала, что Светлана Ивановна опять не узнает ее, но и тут ожидало приятное удивление.

– Какой у вас умный песик! – воскликнула старушка, завидев хозяйку дома. – Могу поручиться, Римма, он понял каждое слово...

Она села рядом.

– Даже не сомневаюсь. Мне тоже нравится разговаривать с ним.

– Хорошо, когда есть собеседник... Даже если это собака.

Римме послышалась грусть в ее голосе.

– Вы живете одна?

Ненадолго задумавшись, Светлана Ивановна тихонько рассмеялась:

– Не помню! Кажется, да. Раньше мы жили с мужем и дочкой, но я не уверена, что они и сейчас со мной. Разве я пошла бы ночью за хлебом, если б могла попросить кого-то?

«Рассуждает здраво, – признала Римма. – А таких важных вещей о себе не помнит...»

Она потрясла пакетиком.

– Вот ваш хлеб.

В который раз прозвучало восторженное:

– Хлеб! Милая вы моя!

«Да что за пунктик у нее с этим хлебом?» Римма помогла старушке подняться.

– Пойдемте, я вас провожу. Вы точно помните свой адрес?

Растерянно заморгав, Светлана Ивановна уставилась на нее, и Римма уже испугалась, что та опять потребует объяснить, кто она. И опередила:

– Может, он записан в вашем блокноте?

– Блокнот, – выдохнула старушка с облегчением и полезла в карман. – Конечно же... Вот посмотрите. Что здесь написано?

– Ваш адрес! – обрадовалась Римма. – Вы живете на соседней улице. Здесь рукой подать, пойдемте.

Отвязав Малыша, она взяла Светлану Ивановну под руку, показавшуюся совсем тоненькой, невесомой, и вывела за ограду. Дороги в их поселке были асфальтированные, крепкие, правда, о тротуарах для прохожих никто не позаботился, ведь местные жители обычно выезжали из дома на машинах. Светлана Ивановна приподняла голову, прищурившись, взгляделась в дымчатую дольку луны и неожиданно процитировала:

– «Месяц задумчивый, полночь глубокая...» Это Бунин. Вы любите Бунина?

– Я даже не уверена, что читала! – рассмеялась Римма, ничуть не смутившись. – Может, в школе...

Она давно уже решила принимать себя такой, какая есть. Конечно, у нее в доме были книжные шкафы, и время от времени ее тянуло достать нечитанный томик, но запойным читателем Римма Шаркова так и не стала. Слишком уставала к вечеру, хотелось прилечь, а с книгой ее тут же клонило в сон. А выходных как таковых у нее не было – свой же бизнес, работать надо! Однако если выдавались «пустые» дни, Римма охотно заполняла их чтением, чтобы совсем не превратиться в робота, только и умеющего, что возиться под капотом. Правда, больше ей нравилось читать современных авторов, она любила истории, реальность которых была для нее естественной, а почувствовать себя Анной Карениной или бедной Лизой не удавалось.

Поэтому она с такой легкостью и призналась, что не читала Бунина. Разве что «Темные аллеи», но кто их не читал в те годы, когда возник интерес к отношениям между женщинами и мужчинами? «Бунин сказал бы: между мужчинами и женщинами», – подумала Римма. У нее было убеждение, что он невысоко ценил их род, при всем его восхищении Ольенькой Мещерской. Впрочем, где-то она читала, что Бунин вообще был мизантропом! Особенно если речь заходила о собратях по перу...

– Вы любите стихи? – спросила она, чтобы переключить ускользающее внимание своей новой знакомой.

– Что? – В глазах Светланы Ивановны застыл ужас. – Вы кто? Куда вы меня тащите?

Римма вздохнула:

– Я провожаю вас до дома. А то еще заблудитесь...

Улыбчивое лицо съезжилось от подозрения.

– А откуда вы знаете, где я живу?

– Вы сами показали мне блокнот. Там ваш адрес записан. Не бойтесь, мы с Малышом не ограбим вас.

Точно очнувшись, старушка протянула, почти пропела:

– Малыш... Хорошее имя. И хороший песик.

– Умный и ласковый, – подтвердила Римма. – Мне повезло, что я его нашла.

– А меня вы где нашли?

Удалось не рассмеяться.

– Мы встретились неподалеку. Вы хотели купить хлеба, а я предложила угостить вас своим. У меня хлебопечка дома. – Она показала пакетик. – Вот ваш хлеб.

– «Сахалинский ссыльный, пока состоит на казенном довольствии, получает ежедневно три фунта печеного хлеба», – пробормотала Светлана Ивановна.

– Что?

– Это Чехов. Вы же помните его поездку на остров Сахалин? Это был его гражданский подвиг...

Довольно долго. Потом ушла работать библиотекарем. Хотя окончила филологический факультет МГУ, преподавала литературу...

– Ого! А почему не пошли в школу?

– Однажды я поняла, что не люблю учить. Ни детей, ни взрослых. Не мое это. Но литературу я любила всей душой, вот и решила попытаться заразить моей привязанностью других людей. Где это лучше делать, как не в библиотеке, скажите на милость?

– Вы любили свою работу...

Вдохнув так глубоко, точно почуяла запах бумажных книг, Светлана Ивановна произнесла на выдохе:

– Любила.

Потом тихонько рассмеялась:

– Меня ведь только год назад на пенсию выжили... Очень я свое начальство раздражала.

– Чем?!

– Знаете, что мне директриса сказала? «Вас, Светлана Ивановна, слишком много... И литературные вечера вы проводите, и музей Заходера создали, и читатели только вас спрашивают, как будто остальные им не в силах помочь!»

– Она ревновала, что ли?

– Кто? – Старушка с недоумением скосила глаз.

– Директриса ваша!

– А вы знакомы с нашей директрисой? Это она вас подслала?

Оттолкнув Римму, которая опять вздохнула про себя: «О господи...», старушка засеменяла вперед, то и дело с подозрением оглядываясь и бросая свирепые взгляды. Стараясь не отставать, Римма с сожалением думала о том, что, видимо, вовсе не ревность вынудила директрису библиотеки избавиться от такого ценного кадра. Если за Светланой Ивановной начали замечать такие странности, то, конечно, им пришлось выпроводить ее на пенсию...

Или все было наоборот? Может, она так сдала от того, что ее лишили любимой работы? Человек сопротивляется старости, пока нужен кому-то. За порогом своего книжного храма она сразу сломалась, как хрупкий комнатный цветок, который выставили на ветреную улицу. Было жаль старую женщину, но Римма уже мечтала поскорее добраться до ее дома и сдать случайную попутчицу с рук на руки...

– А с кем вы живете? – опомнилась она.

– С дочерью и ее сыном, – ответила Светлана Ивановна, как ни в чем не бывало. – Как понимаете, моим внуком. Хороший мальчик...

«Опять вернулась в реальность, – отметила Римма. – Надолго ли?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.